

*ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского управления Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и 4 учебных пособий**

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ВЕСАХ ИСТОРИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

В статье анализируются тенденции и итоги изучения ключевых проблем революционного процесса 1917 года в России в период его столетия в отечественных и зарубежных изданиях. В современной литературе о Великой российской революции присутствует весь спектр политических взглядов, мнений, суждений и разнообразие толкований и оценок. Полярность суждений и жесткость дискуссий привели к тому, что в публицистике и научной литературе стали появляться такие термины, как «война интерпретаций» и «интеллектуальные войны». В работе выделяются и характеризуются новые направления критики революционного процесса в России, получившие распространение в последние годы. Раскрывается современный этап дискуссий между «оптимистами» и «пессимистами» о развитии Российской империи в начале XX века, об истоках и причинах революций 1917 года в России. Описывается эволюция взглядов на Февральскую революцию в течение последних лет и десятилетий и определяются тенденции ее современного восприятия, анализируются причины, характер, альтернативы развития революционного процесса в 1917 году и современные дискуссии об Октябрьской революции, ее значении для судеб России и мира в XX веке. В статье указывается, что Великая российская революция изучается современными учеными в разных хронологических контекстах. Автор исследует взаимосвязь революционного процесса в России с последующим строительством социализма в стране, анализирует результаты, проблемы и достижения советской эпохи развития, причины краха и распада СССР. Эти проблемы рассматриваются в сопоставлении с современной ситуацией в России, кроме того, раскрываются судьбы социализма в современном мире, исторические уроки российского революционного процесса.

Ключевые слова: 1917 год в России, Великая российская революция, Февральская революция, Октябрьская революция, революционный процесс, распад СССР, столетие революции.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И. Российская революция на весах истории: размышления после юбилея // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3. С. 15–25. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.15

2017 год в России и мире прошел под знаком столетия революционных событий в нашей стране, которые именовались и именуется по-разному: Февральская и Октябрьская революции, Великая Октябрьская социалистическая революция, революции 1917 года, Великая российская революция и т. д. Последний из упомянутых терминов, получивший распространение в последние годы, вбирает в себя различное понимание: с одной стороны, многообразие революций, революционных потоков, интересов, а с другой – величие идей, надежд, свершений, потрясений, драм и трагедий, которыми характеризовался 1917 год и следовавшие за ним годы и десятилетия. Целью данной статьи является анализ дискуссий, тенденций и результатов изучения ключевых проблем революционного процесса 1917 года в России в период юбилейного года и по его итогам.

Минувший год характеризовался проведением в нашей стране и за рубежом сотен научных конференций и семинаров, посвященных 1917 году, причем большинство ведущих мировых научных и политических центров в той или иной степени отреагировало на эту юбилейную дату. Были опубликованы сотни (а возможно, и тысячи) книг по этой теме и различным ее аспектам: начиная с истоков и кончая анализом революционного наследия, его значения и уроков для современности, а число статей по указанной тематике не поддается строгому учету.

Следует отметить крайнюю остроту полемики и полярность суждений: революция была благом или злом, триумфом или трагедией, спасла Россию от катастрофы и открыла для нее и мира новые перспективы развития или, напротив, погубила ее. В публицистике, да и в научной литературе, замелькали термины «война» или «войны»: «война интерпретаций», «интеллектуальные войны» и т. п. И это не случайно, ибо в связи с революционной темой речь шла не только о прошлом, но и настоящем и будущем России – и не только нашей страны. Дискуссии были связаны и с выяснением роли революций в прошлом и настоящем как способа преобразования и обновления мира, а также значения социализма

и социалистической идеи в российской и мировой истории сегодня и в перспективе.

В данном случае история и политика оказались тесно и неразрывно связаны. Причем то обстоятельство, что современная российская политическая элита относится к революционной теме, мягко говоря, неодобрительно и смотрит на российскую революционную историю в основном как на драму и трагедию, к тому же крайне опасаясь революционных потрясений сегодня, несомненно, наложило свой отпечаток на современные дискуссии и литературу. Впрочем, в них присутствует все разнообразие взглядов и суждений: от социалистических и коммунистических до прямо противоположных – антикоммунистических и монархических.

Представители власти не могли не учитывать тот факт, что значительная часть российского общества по-прежнему симпатизирует социалистическим идеалам, и, часто не желая в открытую выступать против них, во многом делегировали антиреволюционную миссию клерикалам. Пожалуй, еще никогда Русская православная церковь не была столь активна в атаках на российскую революционную историю, как ныне, при патриархе Кирилле.

И первой публичной трибуной в 2017 году для обсуждения (и осуждения) революций 1917 года в России стали XXV международные Рождественские образовательные чтения в Москве. «Главная трагедия народа заключалась, – по утверждению выступавшего на этом форуме патриарха, – в том, что одурманенный сомнительными популистскими идеями, он позволил оболгать национальную историческую память, надругаться над своей традицией, веками создававшейся усилиями предков, позволил разделить себя на враждующие лагеря, поставить политические и социальные различия выше национального единства и культурной общности» [1, с. 14–15]. Патриарх Кирилл и в дальнейшем – на протяжении минувшего года – постоянно обращался к этой теме, утверждая, что в основе революции 1917 года лежала утрата людьми духовных корней, веры в Бога.

Заметим вместе с тем, что глубокий кризис веры и Православной церкви как служанки власти в начале XX века волновал тогда многих видных богословов, церковных и внецерковных реформаторов, размышлявших над тем, что нужно сделать для оздоровления ситуации [2, с. 15]. Добавим, кстати, что именно Российская революция 1917 года сделала возможным восстановление патриаршества в стране.

В канун столетия революционных событий в России резко активизировались сторонники так называемых почвеннических, традиционалистских, православно-монархических или неомонархических взглядов. Например, в 2017 году в издательстве Российского института стратегических исследований (РИСИ), одного из мозговых центров власти, вышел в свет сборник «Столетие великой русской катастрофы 1917 года». Авторы задавались вопросом, праздновать ли революцию как неизбежный великий слом русского православного мира, создавший новый путь развития для человечества, или расценивать ее как духовную болезнь, приведшую великую православную традицию в стране к столетнему кризису, и выбирали второй ответ.

В передовой статье Л.П. Решетникова утверждалось, что «в феврале 1917 года элита русского народа, большая часть образованного общества отвергла Помазанника Божьего, предала своего законного Царя» [3, с. 5]. Автор называл виновными в предательстве революционеров и думскую либеральную оппозицию, представителей буржуазии и купечества, журналистов и немалую часть духовенства, а также многих царских генерал-адъютантов. Одним из рупоров неомонархических идей в современной России выступает общество «Двуглавый орел» и выпускаемый им одноименный журнал, где ныне работает целый ряд бывших сотрудников РИСИ во главе с упомянутым его экс-директором Решетниковым.

Еще одним – сложившимся в последние годы – направлением критики российских революций является так называемое смутоведение. Его генезис, с одной стороны, обусловлен восприятием исторических традиций Российской смуты

и переносом их на события начала XX века, с другой – связан с эволюцией возникшего в 1990-е годы в академической среде так называемого социокультурного измерения революционного процесса. Происходившее в 1917 году и в последующие годы лидерами и сторонниками «смутоведения» трактуется как апофеоз хаоса: предпринимаются попытки доказать, что российские революции свершились ввиду кризиса сознания, потери широкими народными массами разума, здравого смысла, что они были результатом аффективных действий маргинализированных элементов, являлись болезнью, психопатологией.

По мнению критиков данного направления, попытки подменить революциеведение «смутоведением» объясняются сознательным стремлением дискредитировать российские революции и революционеров, желанием доказать, что революции являлись своеобразными социальными «спазмами», отклонениями от «нормального развития», очередной русской смутой [4, с. 14]. Согласимся с тем, что вряд ли целесообразно и продуктивно видеть суть и природу революционного процесса 1917 года в России в нарастании хаоса, смуты и человеческой архаики, абсолютизации стихии и бунта [5, с. 66, 79, 80].

Один из видных в прошлом советских и российских исследователей революционного процесса в России, профессор Г.З. Иоффе, в последние годы живущий в Канаде, заметил, что развал советской системы вызвал столь же быстрый переворот в историографии: «Когда рухнул режим, по нашей российской склонности к крайностям произошла стремительная смена знаков революции в России: плюсы меняли на минусы и наоборот». «Тушинские воры» из XVII века перебежали, по его утверждению, в XX век [6, с. 250].

Последние годы и год столетия революций 1917 года в России характеризовались новым раундом дискуссий между так называемыми пессимистами и оптимистами, имеющих фактически уже вековую традицию. И если первые полагают, что комплекс причин, факторов и противоречий в России начала XX века делал

невозможным ее переустройство путем реформ, и утверждают, что революции были необходимы или даже неизбежны, то вторые считают, что процесс модернизации Российской империи шел успешно, она была вполне реформируема и революций можно было избежать.

Автору этих строк уже приходилось подробно освещать современный этап данных дискуссий и разбирать суждения одного из лидеров российских «оптимистов», профессора Б.Н. Миронова [1, с. 23–28], поэтому не будем касаться здесь указанной темы. Лишь добавим, что в последние годы, в т. ч. в связи со столетием событий Первой мировой войны, наметилось стремление части историков именно с ней связывать кризис и крах самодержавия, победу революции. Но при всей значимости военного кризиса для судеб революции вряд ли целесообразно объяснять ее лишь войной, а это означает, что анализ развития России в начале XX века должен продолжаться, как и дискуссии «оптимистов» и «пессимистов».

Разнообразие суждений и оценок всегда вызывал Февраль 1917 года, открывший череду революционных потрясений и преобразований в России. Его столетие вызвало новый раунд дебатов в отношении того, что это было: предательство царя его окружением, заговор, буржуазная, буржуазно-демократическая или демократическая революция. Многие годы в советской историографии Февраль находился, образно говоря, в тени Октября. В «перестроечной» историографии и в начале 90-х годов XX века Февральская революция нередко трактовалась и воспевалась как истинно народная, демократическая, настоящая, которую никто не организовывал: вызванная массовым народным недовольством, она привела к краху самодержавия. С этой точки зрения Февраль часто противопоставлялся «организованному» и «авторитарному» Октябрю.

Но в дальнейшем Февралю 1917 года нередко стали отказывать в статусе революции, утверждая, что царизм к этому времени уже изжил себя и саморазвалился. Данную точку зрения еще в 1917 году высказывали А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков и др., а спустя десятилетия

ее подхватил и стал активно популяризировать, в частности в связи с 90-летием Февральской революции, А.И. Солженицын. В канун ее столетия доминирующей стала, пожалуй, версия «заговора» в многообразии его интерпретаций, вариаций и описываемых участников. Причем авторы современных публикаций разнятся в своем отношении к этому «заговору» и «заговорщикам», а также к свергнутой власти, и в первую очередь к монарху – Николаю II, его действиям в революционные дни и отречению от престола. Например, современный политик и исследователь В.А. Никонов на вершину иерархии причин, вызвавших Февральскую революцию, поставил элитный раскол, противопоставивший огромную часть активного политического класса и интеллигенции правящему режиму, и выразил сожаление, что это привело к краху государственности и распаду страны [7, с. 678–679].

Так или иначе, многие современные авторы предпочитают видеть в февральских событиях 1917 года прежде всего действия заговорщиков, различных оппозиционных групп, преследовавших свои интересы, но возникает большой вопрос: произошли бы падение самодержавия и дворцовый переворот, если бы не решительные революционные выступления рабочих и солдат в Петрограде, которые сокрушили основы старой власти, вызвали волну отрицания ее на фронте и в тылу, в российских и национальных регионах, на местах? И если о поведении и действиях солдат, положении в армии в год революционного юбилея писалось немало, то тема рабочего класса, в прошлом занимавшая ведущее место в исследованиях, явно оказалась на периферии исследовательского интереса.

Впрочем, и здесь есть свои исключения. Обратим внимание на дискуссию о роли рабочего класса в 1917 году, состоявшуюся в 2017 году на страницах американского журнала «Kritika», между упоминавшимся выше профессором Б.Н. Мироновым, который объяснял Февральскую революцию борьбой за власть между различными группами элит, энергичными и умелыми действиями контрэлиты, лидеров либе-

ральной и радикальной общественности, их PR-кампаниями, и группой западных исследователей – специалистов по истории российского рабочего класса [8, с. 346–415].

Среди наиболее интересных изданий 2017 года по истории Февральской революции можно отметить сборник материалов посвященной ей международной научной конференции, которая состоялась в марте 2017 года в Санкт-Петербурге. Самой содержательной частью сборника стали изложенные почти на 140 страницах ответы 25 ведущих историков мира, специалистов по революционному процессу 1917 года в России, на вопросы по основным проблемам историографии Февральской революции и их экспресс-анализ [9, с. 8–174]. Автором настоящей статьи опубликована рецензия на указанное издание [10, с. 87–92].

После Февральской революции и крушения монархии Россия стала самой демократичной страной в мире. А вот способность распорядиться полученной свободой, развитие событий в стране с февраля по октябрь 1917 года, переход от одного революционного проекта к другому, множество возможных развязок и альтернатив этого бурного года российской истории вызвали полярные суждения и интерпретации как в российской, так и зарубежной литературе юбилейного года. Притом отметим явно усилившийся негатив не только в отношении действий большевиков, но и Временного правительства, много сделавшего для разрушения старой государственности, но не преуспевшего в конструировании основ новой власти, допустившего обилие ошибок, которые привели к утрате его популярности и к изоляции.

Но дело не только в этом. Широкие слои населения, вышедшие на арену социальной и политической жизни, действуя через создаваемые ими Советы и другие институты массового представительства, чем далее, тем менее полагались на политиков, оказавшихся у власти весной 1917 года. Стремительно радикализуясь, вышедшие на авансцену силы все более надеялись на социалистическую альтернативу, не удовлетворяясь реформистскими обещаниями Временного правительства. Многие

авторы связывают углубляющийся кризис последнего с затянувшейся непопулярной войной (дискутируя еще и о том, какие меры можно было предпринять на пути к миру в 1917 году); аграрным, национальным и рядом других назревших вопросов, требовавших решения; оттягиванием созыва Учредительного собрания и др. Следовавшие один за другим кризисы власти усугубляли и без того сложное положение Временного правительства.

В таких условиях широкие массы населения брали инициативу решения назревших вопросов в собственные руки, что вызывает разные интерпретации в современной литературе. Одни авторы видят в этом смуту, анархию, хаос и охлократию, другие – рост революционного творчества и инициативы масс, почувствовавших свою силу и возможности и стремившихся действовать самостоятельно или в союзе с теми политическими партиями, где видели союзников, поддерживавших их лозунги и требования.

Так или иначе, но дело стремительно шло к развязке. Попытка правых – консервативных – политических сил, опираясь на военных, разгромить в августе левых (выступление под руководством генерала Л.Г. Корнилова) завершилась провалом, и в результате политический маятник качнулся резко влево.

Следует признать, что в современной литературе активно предпринимаются попытки дискредитировать большевиков, обвинить их в антипатриотизме. В частности, в юбилейный год в СМИ, а в ряде случаев и в претендующей на научную академичность литературе вновь зазвучала тема «немецких денег», при помощи которых большевики якобы пришли к власти и смогли в дальнейшем удержать ее. По крайней мере, эта версия озвучивалась часто без серьезного анализа и критики.

Октябрьский рубеж российской истории, приход большевиков к власти и причины этого вновь оказались ныне на острие дискуссий. Надо признать, что многие современные авторы, в т. ч. профессиональные историки, критически или негативно относятся к данной вехе российской истории, но их объяснения и интерпретации

происходившего различаются. И вопросов для дискуссий действительно много.

При существующем разнообразии суждений автор разделяет мнение тех историков, которые полагают, что большевики пришли к власти в условиях глубокого кризиса государственности и общества, экономики и социальных отношений и сделали это на волне массового народного протеста, нередко даже опережавшего их действия, когда сомкнулись воедино волны разных революций – пролетарской, крестьянской, солдатской, гендерной, национальных, региональных и локальных – с их хорошо известными лозунгами и требованиями: землю – крестьянам, фабрики – рабочим; немедленный мир без аннексий и контрибуций; право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельных государств; равноправие полов, перераспределение власти из центра в регионы и на места. Налицо было стремление людей самостоятельно, напрямую – через свои органы массового представительства и прямой демократии – решать назревшие и наболевшие вопросы.

Современников к новому рубежу революции двигали стремление к социальной справедливости, надежда на создание общества, где восторжествуют идеалы свободы, равенства и братства. К сожалению, сегодня именно это часто отрицается критиками Октябрьской революции, стремящимися доказать, что это было не более чем громкими словами и лозунгами, а реальность была совершенно иной и в ней преобладали анархия, стихия, бедствия, страдания, террор.

По давней антикоммунистической традиции этому рубежу российской истории часто отказывают в праве называться революцией и именуют его Октябрьским переворотом, подчеркивая тем самым его верхушечность, недемократичность и неправомочность. Но если события в Петрограде и свержение власти Временного правительства нередко и сами большевики, и их сторонники в ту пору называли переворотом, то его последующим этапом стала политическая и социальная революция, охватившая всю страну и распространившая свое

влияние далеко за ее пределы. Октябрьская революция в перспективе олицетворяла собой и переход от одной общественно-экономической формации к другой.

Английский историк С. Смит в своей книге (опубликована в 2017 году), которую трудно назвать апологией Российской революции, заметил в заключение: «Мы не поймем 1917 год, если не приложим усилия для понимания надежды, идеализма, героизма, злости, страха, отчаяния, которые его мотивировали: страстное желание мира, глубокое неприятие социального порядка в отношениях между имущими и неимущими, гнев на несправедливость, пронизывавшую российское общество» [11, с. 393].

Период после прихода большевиков к власти и их действия также продолжают находиться на острие дискуссий и вызывают расхождение оценок и суждений. К числу таких вопросов относятся, например, возможность создания «однородного социалистического правительства», идея которого была популярна в стране в пост-октябрьские дни, а также судьба Учредительного собрания. Современные критики нередко и далеко не всегда правомерно обвиняют большевиков в насилии и терроре в отношении оппонентов и противников, часто полностью снимая ответственность за это с последних.

Критике подвергаются и сам характер, и природа складывающейся власти. В одном из современных изданий, претендующих на академичность и новое прочтение истории Российской революции, содержатся, например, более чем спорные утверждения о том, что традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» не подтверждается исследованиями последних лет, а власть на местах переходила якобы «не столько к большевизированным Советам, сколько к вооруженным солдатским массам». В итоге делается сомнительный вывод о том, что, «в сущности, вся первая половина 1918 года была временем военизированной охлократии» [12, с. 10–11].

В данном случае налицо переход от одной крайности восприятия «триумфального шествия Советской власти» как относительно

легкого и безболезненного перехода власти в руки Советов к характеристике происходившего как безбрежной стихии и анархии, осуществляемой людьми с оружием в руках. Столь полярные суждения не приближают к истине в понимании сложного процесса выстраивания взаимоотношений большевиков и советской власти с обществом в постоктябрьские месяцы, их усилий по обузданию народной стихии, направлению ее в русло созидательного конструирования новой власти, а также не позволяют уяснить и кардинальные изменения в строительстве советской государственности в 1918 году.

Достаточно сложное и неоднозначное впечатление оставляет энциклопедия «Россия в 1917 году», изданная в юбилейный год и также содержащая спорные положения, лежащие в русле «новой мифологии» революции¹.

Российская, или Великая российская, революция понимается и рассматривается современными исследователями в разных хронологических контекстах: 1) 1917 год в целом – во взаимосвязи, противоречивом единстве и борьбе разных политических, социальных и цивилизационных проектов преобразования страны, и прежде всего Февраля и Октября; 2) 1917 – начало 1920-х годов, включая период и процессы Гражданской войны и международной интервенции; 3) 1914 – начало 1920-х годов; 4) 1917 – конец 1920-х годов, начало или конец 1930-х. Наконец, существует и концепция столетней революции в разных ее вариантах, когда предпринимаются попытки исследовать историю России, и в частности ее модернизации, в большом историческом времени (с конца XIX по конец XX века или с начала XX по начало XXI столетия).

В связи с этим следует заметить, что революции, как правило, не дают немедленных положительных результатов. Напротив, значительная часть времени (особенно в масштабных и великих революциях) уходит на разрушение старых основ власти, экономики, норм и традиций жизни, что часто сопровождается глубокими коллизиями, насилием и террором.

И лишь потом на расчищенном фундаменте начинается строительство нового общества. Это в полной мере относится и к Российской революции: процессы выполнения ею созидательных функций – восстановление экономики страны после колоссальных потерь Первой мировой и Гражданской войн и строительство новых экономических и общественных отношений – разворачиваются главным образом в начале 1920-х годов.

Американский историк М. Дэвид-Фокс в статье, вышедшей в год революционного юбилея, призвал к анализу жизненного цикла Российской революции в двух направлениях – транснациональные измерения и ее глобальные отголоски, подчеркнул важность компаративного осмысления революционного процесса от истоков до последствий и предпринял попытку такого анализа [13]. Можно согласиться с исследователем в том, что подобный компаративный анализ актуален, требует усилий специалистов разных отраслей знаний и синтеза всех гуманитарных наук в изучении российского революционного процесса и глобального влияния коммунизма в XX веке и сегодня.

Интересная попытка выявить и обозначить современные тенденции в изучении Российской революции 1917 года в юбилейном году и ее восприятию обществом была предпринята в статье известного историка из Санкт-Петербурга Б.И. Колоницкого [14].

В целом же дискуссии в год революционного юбилея были посвящены не только событиям 1917 года, но и их наследию, оценке советской модели экономики и общества, и здесь развернувшиеся дебаты носили не менее острый характер. Противники Октябрьской революции и социализма рассматривают советское прошлое сквозь призму нереализованных идеалов, репрессий, террора, насилия, потерь, высокой «цены» социалистической модернизации в СССР. Поэтому не случайно столетию Октябрьской революции антикоммунистические политтехнологи попытались противопоставить 80-летие Большого

¹Россия в 1917 году: энцикл. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2017. 1095 с.

террора, а за неделю до столетия – 30 октября – в Москве был открыт мемориал памяти жертв политических репрессий «Стена скорби». С 1937 годом, сталинщиной и сталинизмом нередко связывают и тему термидора в Российской революции, которая якобы утратила с того времени социалистические цели и характер преобразований.

Но, не забывая этих сложных и драматических страниц советской истории, размышляя над их причинами и последствиями, важно не упустить из виду колоссальные изменения, произошедшие во всех сферах жизни СССР в короткий межвоенный период. Были достигнуты высочайшие темпы модернизации страны, созданы новая по природе, характеру и качеству экономика, новые социальные и политические отношения, появились новые люди, гордившиеся своей причастностью к тому, что «сказку делали былью». Советское общество отличалось высокой социальной мобильностью. В основе экономического и социального прогресса СССР лежали достижения науки, образования, культуры. И именно эта страна, общество и люди смогли повернуть ход истории в трудные годы Второй мировой войны и внести решающий вклад в разгром фашизма и спасение человечества от нового рабства.

Послевоенные десятилетия характеризовались не только восстановлением страны в кратчайший период и без иностранной помощи после колоссальных потерь военного времени, успешным ответом на вызовы холодной войны и атомный шантаж, но и высочайшей динамикой экономического, социального, научного, образовательного и культурного развития, а также созданием мировой системы социализма, в развитие которой Советский Союз вложил огромные ресурсы. В социальном плане СССР опередил мир на целую эпоху, создав невиданный и колоссально привлекательный стандарт общественного переустройства. Именно социалистический вызов, конкуренция с СССР и социалистической системой заставляли мировой капитализм мобилизоваться, цивилизоваться и социализироваться, создавать модели государства

и общества «всеобщего благоденствия», перераспределять социальные блага в пользу малоимущих, повышать уровень и качество жизни людей, отказываться от колониальной экспансии, что способствовало и краху мировой системы колониализма.

Никогда в своей истории наша страна не имела такого могущества, авторитета и популярности в мире, как во времена СССР. Он обладал широкой поддержкой системы социализма, международного коммунистического движения, со стороны стран, избравших путь некапиталистического развития и социалистической ориентации. Ни один вопрос мировой политики не решался без СССР: он был признан одной из двух сверхдержав мира, и его могущество определялось не только военной мощью, но прежде всего экономическим, научно-образовательным и культурным потенциалом, что заставляло капиталистические государства перестраивать свои системы, учитывая опыт СССР или ориентируясь на него.

Но растущий материальный достаток и благополучие стали серьезным испытанием для советской системы. Росла коррупция, перерождалась часть партийно-государственной элиты, стремившейся к перераспределению общенародной собственности и национального дохода в свою пользу. Привлекательность ориентиров общества потребления обернулась размыванием духовно-нравственных основ советского общества. Объявленная в Советском Союзе перестройка привела не к обновлению и совершенствованию социализма, а к его краху и распаду СССР. Причины и уроки этого и в настоящее время продолжают оставаться предметом дискуссий и исследований в нашей стране и за рубежом, особенно в КНР. Так или иначе, произошедшее стало основанием для широко распространенных сегодня в нашей стране и мире суждений о том, что советский и мировой опыт социалистического строительства продемонстрировал утопичность социалистических и коммунистических идей и крах великого социального эксперимента, начатого в 1917 году в России.

Впрочем, здесь все далеко не однозначно. И сегодня более 20 % населения мира проживает в странах, избравших ориентиром своего развития социализм: КНР, Вьетнам, Лаос, КНДР, Куба. Кстати, уже упоминавшийся выше английский историк, профессор С. Смит, в своей книге назвал китайскую революцию великой революцией XX века, с более амбициозными проектами и бóльшими достижениями, чем советская революция [11, с. 391]. Заметим, в свою очередь, что на состоявшемся в октябре 2017 года в Пекине XIX съезде КПК ее генеральный секретарь Си Цзиньпин заявил в своем отчетном докладе: «Столетие назад орудийные раскаты Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм. Передовые умы Китая в научной теории марксизма-ленинизма нашли путь решения проблем страны. Так, китайский народ обрел опору в поисках национальной независимости, свободы, процветания и счастья» [15, с. 32].

Кстати, по подсчетам китайских специалистов, если бы СССР продолжил свое существование, то в 2017 году вышел бы на первое место по объему ВВП и стал бы первой экономикой мира, обогнав США. Сегодня советская эстафета подхвачена социалистическим Китаем, который в 2014 году опередил США по ВВП, измеряемому по паритету покупательной стоимости, а через несколько лет должен обойти и по ВВП в номинальном исчислении. Подробнее о современном состоянии КНР и перспективах ее развития автор этих строк писал в своей книге, изданной в 2017 году [15].

К сожалению, постсоветская Россия колоссально деградировала в последнюю четверть века в экономическом, социальном, научно-образовательном и культурном отношении, и об этом полезно было бы помнить отечественным и зарубежным критикам Октябрьской революции и советской системы. Российский капитализм продемонстрировал свою крайнюю неэф-

фективность. Его представители преуспевают, пожалуй, лишь в двух вещах – личном обогащении и выводе денег из страны.

По основным экономическим показателям Россия топчется сегодня на уровне РСФСР начала 90-х годов XX века. Удельный вес страны в мировой экономике составляет 3 %, и она занимает периферийное и низовое место в мировой системе. Налицо вопиющая имущественная поляризация российского общества, когда более 20 млн чел. живут за чертой бедности, а основная часть населения просто выживает. В стране сложились обширные группы населения, лишенные доступа к социальным стандартам (здравоохранению и образованию), российскому и мировому культурному наследию. Тормозом развития является бюрократизация, переплетающаяся с коррупцией. Об этом и других проблемах современной России автору уже приходилось писать ранее [1, с. 44–48]. Иначе говоря, сегодня Россия находится перед теми же вызовами и потребностями модернизации, что и сто с лишним лет назад. Разговоров на тему модернизации в современной России много, но кардинальных сдвигов не происходит. А это означает, что уроки истории страна и ее власти усваивают плохо.

Да, революция – чрезвычайный способ разрешения назревших противоречий, но если власти предрешающие игнорируют их разрешение, то именно революция открывает шанс для новой жизни страны и общества, как это было в 1917 году в России, а до и после этого – во многих других государствах мира.

Так или иначе, Великая российская революция, или революции начала XX века, – это важная часть нашей истории и национальной памяти, требующая не уничижительного, а уважительного отношения, ибо история – тот фундамент, на котором зиждется наше настоящее и будущее.

Список литературы

1. *Голдин В.И.* 1917 год в России: размышления в канун столетия // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века: сб. материалов междунар. науч. конф., г. Архангельск, 11–14 июля 2017 года / сост. В.И. Голдин, Н.А. Данилов, под общ. ред. В.И. Голдина. Архангельск: САФУ, 2017. С. 10–48.
2. *Головушкин Д.А.* Русская революция и ее религиозно-исторический смысл в полемике церковных и внецерковных реформаторов начала XX века // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* 2017. № 2. С. 23–29.
3. *Решетников Л.П.* Слом русского национального кода в 1917 году // *Столетие великой русской катастрофы 1917 года* / авт.-сост. М.Б. Смолин. М.: РИСИ: ФИВ, 2017. С. 5–38.
4. *1917 год в Евразии* / сост. С.М. Исхаков. М.: Галлея-Принт, 2017. 600 с.
5. *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.
6. *Иоффе Г.З.* Иные времена. Воспоминания. Иерусалим: Филобиблон, 2015. 325 с.
7. *Никонов В.А.* Крушение России. 1917. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, 2017. 704 с.
8. Did the Working Class Matter in 1917? // *Kritika: Explor. Russ. Eurasian Hist.* 2017. Vol. 18, № 2. P. 346–415.
9. Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. 380 с.
10. *Голдин В.И.* Переосмысление в канун столетия: историки о Февральской революции [Рецензия на книгу: Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. междунар. науч. конф. СПб.: ЛЭТИ, 2017. 380 с.] // *Historia Provinciae.* 2017. Т. 1, № 4. С. 87–92.
11. *Smith S.A.* Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford: Oxford University Press, 2017. 445 p.
12. *Петров Ю.А., Тихонов В.В., Журавлев С.В., Павлов Д.Б., Булдаков В.П., Иванова Н.А., Грузинов А.С., Корелин А.П., Мухин М.Ю., Кондрашин В.В.* Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / под ред. Ю.А. Петрова. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 1. 743 с.
13. *David-Fox M.* Toward a Life Cycle Analysis of the Russian Revolution // *Kritika: Explor. Russ. Eurasian Hist.* 2017. Vol. 18, № 4. P. 741–783.
14. *Колоницкий Б.И.* Юбилейный год и историки революции // *Рос. ист.* 2018. № 1. С. 181–187.
15. *Голдин В.И.* Китайская мозаика: Китайская Народная Республика в начале XXI века: моногр. Архангельск: САФУ, 2017. 241 с.

References

1. Goldin V.I. 1917 god v Rossii: razmyshleniya v kanun stoletiya [The Year of 1917 in Russia: Considerations on the Eve of the Centenary]. Goldin V.I. (ed.). *1917 god v sud' bakh regionov, strany i mira: vzglyad iz XXI veka* [The Year of 1917 in the Fates of Regions, Russia and the World: A View from the 21st Century]. Arkhangelsk, 2017, pp. 10–48.
2. Golovushkin D.A. Russkaya revolyutsiya i ee religiozno-istoricheskiy smysl v polemike tserkovnykh i vnetserkovnykh reformatorov nachala XX veka [The Russian Revolution and Its Religious-Historical Meaning in the Polemics of Ecclesiastical and Nondenominational Reformers of the Early 20th Century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 2, pp. 23–29.
3. Reshetnikov L.P. Slom russkogo natsional'nogo koda v 1917 godu [The Crash of the Russian National Code in 1917]. Smolin M.B. (comp.). *Stoletie velikoy russkoy katastrofy 1917 goda* [A Centenary of the Great Russian Catastrophe of 1917]. Moscow, 2017, pp. 5–38.
4. Iskhakov S.M. (comp.). *1917 god v Evrazii* [The Year of 1917 in Eurasia]. Moscow, 2017. 600 p.
5. Mironov B.N. *Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii* [The Revolution Passion: The Ways of Russian Historiography in the Information Age]. Moscow, 2014. 336 p.
6. Ioffe G.Z. *Inye vremena. Vospominaniya* [Other Times. Recollections]. Jerusalem, 2015. 325 p.
7. Nikonov V.A. *Krushenie Rossii. 1917* [The Downfall of Russia. 1917]. Moscow, 2017. 704 p.
8. Did the Working Class Matter in 1917? *Kritika: Explor. Russ. Eurasian Hist.*, 2017, vol. 18, no. 2, pp. 346–415.
9. Kalashnikov V.V., Men'shikov D.N. (eds.). *Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii* [The February Revolution of 1917: Problems of History and Historiography]. St. Petersburg, 2017. 380 p.

10. Goldin V.I. Pereosmyslenie v kanun stoletiya: istoriki o Fevral'skoy revolyutsii [Reconsideration on the Eve of the Centenary: Historians on the February Revolution]. *Historia Provinciae*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 87–92.
11. Smith S.A. *Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford University Press, 2017. 445 p.
12. Petrov Yu.A., Tikhonov V.V., Zhuravlev S.V., Pavlov D.B., Buldakov V.P., Ivanova N.A., Gruzinov A.S., Korelin A.P., Mukhin M.Yu., Kondrashin V.V. *Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* [The Russian Revolution of 1917: Power, Society, Culture]. Moscow, 2017. Vol. 1. 743 p.
13. David-Fox M. Toward a Life Cycle Analysis of the Russian Revolution. *Kritika: Explor. Russ. Eurasian Hist.*, 2017, vol. 18, no. 4, pp. 741–783.
14. Kolonitskiy B.I. Yubileynnyy god i istoriki revolyutsii [The Year of Jubilee and Historians of Revolution]. *Rossiyskaya istoriya*, 2018, no. 1, pp. 181–187.
15. Goldin V.I. *Kitayskaya mozaika: Kitayskaya Narodnaya Respublika v nachale XXI veka* [The Chinese Mosaic: The People's Republic of China in the Early 21st Century]. Arkhangelsk, 2017. 241 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.15

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

THE RUSSIAN REVOLUTION ON THE SCALES OF HISTORY: CONSIDERATIONS FOLLOWING THE CENTENARY

This article analyses the discussions, trends and results of the Russian and foreign research on the main problems of the 1917 revolutionary process in Russia during the century that followed. Contemporary literature on the Russian Revolution presents a whole range of political views, opinions and judgments, as well as numerous interpretations and evaluations. Opposite judgments and rigid discussions produced such terms as *the war of interpretations* and *intellectual wars* in social and political essays as well as in academic literature. The author points out and characterizes the new trends in criticism of the revolutionary process in Russia that have become widespread in recent years. Further, the article dwells on the current debate between the “optimists” and “pessimists” on the development of the Russian Empire in the early 20th century and on the origins and causes of the 1917 revolutions in Russia. The author describes the evolution of the views on the February Revolution over the last years and decades and points out its modern interpretations. The causes, nature, and alternative developments of the 1917 revolutionary process in Russia are analysed, as well as current discussions about the October Revolution, its significance for the fates of Russia and the world in the 20th century. The paper points out that the Russian Revolution is studied by contemporary scholars in different chronological contexts. The author investigates the relationship between the revolutionary process in Russia and the subsequent construction of socialism, analyses the results, problems and achievements of the Soviet era of development, as well as causes for the collapse of the USSR. These issues are considered in comparison with the current situation in Russia. In addition, the fates of socialism in the modern world and the historical lessons of the Russian revolutionary process are covered here.

Keywords: *year of 1917 in Russia, Russian Revolution, February Revolution, October Revolution, revolutionary process, dissolution of the Soviet Union, centenary of the Revolution.*

Поступила: 27.12.2017
Received: 27 December 2017

For citation: Goldin V.I. The Russian Revolution on the Scales of History: Considerations Following the Centenary. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 3, pp. 15–25. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.15